

РЕЦЕНЗИЯ
на магистерскую диссертацию Ермаковой Лины Алексеевны
«Модификация фонетических характеристик звуковых последовательностей
при выпадении гласных в разных типах речи»

Магистерская диссертация А. А. Ермаковой посвящена изучению видоизменений звуков при выпадении гласных в слитной речи – спонтанных диалогах и чтении. Структура работы довольно традиционна: она состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Отдельно вынесен раздел «Выводы по результатам исследования», который предшествует заключению. Список использованной литературы состоит из 34 наименований, однако, по-видимому, является полным, так как включает в себя не все работы, ссылки на которые есть в тексте (мне не удалось обнаружить в списке 5 работ).

Во введении определяются объект и предмет исследования, описываются теоретическая и практическая значимость работы, обосновывается ее актуальность, а также формулируются цели и задачи исследования. Заявленная цель исследования вполне соответствует теме диссертации, а спланированные в виде перечня задач этапы исследования представляются непротиворечивыми и отвечающими поставленной цели.

В первой главе А. А. Ермакова анализирует имеющуюся научную литературу по теме исследования и демонстрирует владение научной информацией, касающейся проблематики диссертации. Вполне справедливо описание истории вопроса начинается со ссылки на труды И. А. Бодуэна де Куртене и заканчивается анализом современных исследований. Однако остается непонятным, на каких теоретических позициях стоит сам автор: при описании явления чередования в одном ряду оказываются Н. С. Трубецкой, представители МФШ (М. В. Панов, С. В. Кодзасов, О. С. Кривнова), Р. И. Аванесов, уже со своими взглядами на фонему, отличными от взглядов московских фонологов. Позиции названных авторов – порой противоположные – перечисляются одна за другой без каких-либо комментариев и анализа (с. 9). Описание понимания чередования фонем с позиций петербургской фонологии явно недостает, и как следствие понятие «чередование» остается размытым. Очевидно, с позиций МФШ и МФШ взгляды на чередование являются диаметрально противоположными (для московских фонологов чередования фонем не существует), однако этот факт остается вне поля внимания автора.

По-видимому, вследствие отсутствия ясной теоретической базы автором в первой главе недостаточно четко противопоставлены ключевые понятия – «модификация» и «чередование». С одной стороны, А. А. Ермакова рассматривает модификацию и чередование звуков как изменения в фонемном составе слов и морфем, с другой – вслед за Л. Р. Зиндером определяет модификацию как «аллофонное варьирование», при котором звуковые различия не выступают как фонемно противопоставленные (с. 8). В выводах по первой главе модификация уже противопоставлена чередованию как аллофонное варьирование замене фонем (с. 32), однако и здесь возникает вопрос: можно ли в этом случае рассматривать, например, звуки [g] и [d] в слове «какая-то» (с. 63) как модификацию фонем /k/ и /t/, так как такая позиция априори предполагает наличие у глухих фонем звонких аллофонов – тех же, что и у звонких фонем /g/ и /d/, что противоречит общетеоретическим взглядам на фонему и ее варианты в рамках щербовской фонологии. На мой взгляд, подобным сложным с точки зрения теории случаям в первой главе следовало уделить пристальное внимание.

Не со всеми общетеоретическими положениями из первой главы можно согласиться. Так, на с. 27 автор пишет, что «с акустической точки зрения все согласные, кроме сонантов, характеризуются как высокочастотные шумы». Такой тезис как минимум требует оговорок и дополнений.

Не всегда примеры, которые приводит автор, иллюстрируют описываемые положения. Так, на с. 31 сначала речь идет о модификации сочетаний /jstr/, /stv/ и /dvstr/, а затем следуют

такие примеры: *шесть шестьдесят, шесть-четыре, есть жена*, которые, как нетрудно заметить, не имеют никакого отношения к описываемым сочетаниям согласных.

В некоторых случаях положения теоретической главы могли бы быть усилены ссылками на источники, например такое: «варьирование языковых единиц тесно связано со степенью подготовленности речи, что подтверждается многочисленными данными, полученными при изучении характеристик различных типов речи» (с. 23).

Поскольку в центре интереса автора находятся звуковые модификации вследствие выпадения гласных звуков, теоретическую главу мог бы усилить небольшой экскурс в историю русского языка, поскольку изменения согласных в результате выпадения гласных – явление в нашем языке не новое. Достаточно вспомнить падение редуцированных и последовавшие за ним изменения звукового облика слов (например, *пчела, Псков, окстись*).

Не хватило в теоретической главе и анализа научной литературы по звуковым изменениям в иностранных языках, что позволило бы получить представление об универсальности или степени распространенности изучаемого явления за пределами русского языка.

Ключевой главой диссертации, безусловно, является исследовательская, вторая глава. В ней описываются материал и методика проведенного исследования, а также результаты анализа спонтанной речи и чтения с целью выявления звуковых модификаций, связанных с выпадением гласных звуков.

Материалом являются записи 10 дикторов, 5 мужчин и 5 женщин, обработанные сотрудниками кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков в рамках проекта INTAS. В ходе данного проекта записи были рассегментированы на звуки, слоги, синтагмы и фразы, а также затранскрибированы на нескольких уровнях: акустическом, перцептивном, фонемном и слоговом. Затем материал был суммирован в виде таблиц, где с помощью условных обозначений были отражены различные позиции гласных в слове. В Табл. 2 на с. 36 А. А. Ермакова приводит перечень этих условных обозначений – это знаки гласных фонем, иногда с числовым кодом, отражающим позицию гласного в слове. В Табл. 2 числовые коды даны только для гласного /a/ (4 различных позиции), хотя ожидалось бы для всех гласных, что подтверждает и рис. 1 (с. 37), представляющий собой фрагмент блока данных корпуса INTAS, в котором цифровыми индексами снабжены все гласные.

На рис. 2 (с. 38) автор работы суммирует в гистограмме данные о выпадении гласных. К сожалению, назвать эти данные полными мешает тот факт, что позиция в слове отражена в них только для гласного /a/. Из приведенных данных следует, что в 53% случаев выпадает гласный /i/ и всего в 1% случаев – гласный /e/ (последнее естественно, так как, по-видимому, это ударная позиция). Однако для гласного /i/ крайне не хватает информации по позиции в слове, в которой гласный подвержен выпадению.

Основная часть 2-й главы содержит описание результатов анализа модификаций звуков, сопровождающих выпадение тех или иных гласных в спонтанной речи и чтении. А.А.Ермакова описывает следующие трансформации звукового облика слова:

- 1) выпадение согласного;
- 2) вставка согласного;
- 3) замена твердого согласного на мягкий;
- 4) замена мягкого согласного на твердый;
- 5) спирализация аффрикат;
- 6) озвончение глухих согласных;
- 7) оглушение звонких согласных.

Каждому из перечисленных явлений посвящен особый параграф, который содержит описание явления, его иллюстрацию на разных примерах из корпуса и подсчет встречаемости явления в синтагматически сильной и слабой позиции. Подсчеты суммируются на гистограммах, где представлены сведения о количестве определенных модификаций при выпадении гласных на фоне общего количества подобных модификаций для двух позиций в синтагме – сильной и слабой (с. 49 и далее).

К сожалению, именно статистические подсчеты и выводы, которые делаются на их основе, вызывают основные возражения. Причина этого в том, что все выводы базируются на сравнении не относительного, а абсолютного количества случаев. Так, сравнивая количество выпадения гласных в словах под синтагматическим ударением и без него, А.А.Ермакова делает вывод, что «слабая позиция в синтагме – фактор выпадения согласных, так как количество случаев в этой позиции в 3 раза превосходит количество случаев выпадения в сильной синтагматической позиции» (с. 50). 165 случаев выпадения согласных при эллипсисе гласных в сильной позиции действительно в 3 раза меньше, чем 509 случаев в слабой, однако и количество всех случаев выпадения согласных в сильной позиции, на фоне которого проводится подсчет, почти в три раза меньше, чем в слабой: 315 против 927. Для того чтобы делать выводы о роли позиции, необходимо, во-первых, сравнивать *соотношения* внутри каждой из позиций, а во вторых, нужно иметь сведения о соотношении количества слов в сильной и слабой позициях. Очевидно, что количество слов в синтагматически слабой позиции будет в разы превосходить количество слов в сильной.

Для сравнения данных целесообразно было бы использовать хотя бы критерий согласия Пирсона (хи-квадрат). Самые простые подсчеты по данному критерию показывают, что описанная выше разница частотности явления в сильной и слабой позициях статистически не значима ($p=0.67$). Статистически недостоверными являются также выводы, касающиеся вставки гласного (с. 51, $p=0.24$), замены твердого согласного на мягкий (с. 55, $p=0.72$), озвончения глухих согласных (с. 65, $p=0.64$). Некоторые выводы оказываются верными случайно. Это касается замены мягкого согласного на твердый (с. 58, $p=0.03$), спирализации аффрикат ($p=0.04$), оглушения звонких согласных (с. 67, $p<0.05$). Данное замечание применимо в полной мере и ко второму разделу второй главы, касающемуся анализа модификаций в чтении.

Таким образом, один из выводов автора о том, что «по итогам статистической обработки в настоящем исследовании была доказана зависимость выпадения согласных при эллипсисе гласных от слабой позиции в синтагме» (с. 98) не выдерживает критики, так как подсчеты проводились методологически неверно.

Во втором разделе второй главы автор анализирует разницу частотности выпадения различных гласных в чтении и спонтанных диалогах, которая в каждом случае составляет не более 5%. Как видно, разница довольно мала, однако автор, тем не менее, берет на себя смелость обобщений без статистического подтверждения ее релевантности (с. 70-71).

Далеко не все сформулированные выводы видятся логичными. Так, на с. 79 автор пишет: «... количество всех случаев выпадения согласных примерно в три раза превышает количество данных случаев при эллипсисе гласных в разных позициях слова в синтагме. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что эллипсис гласных не способствует выпадению согласных в чтении так сильно, как в спонтанной речи». Данный вывод не вытекает из предшествующего анализа, хоть и является верным – для его подтверждения достаточно сравнить данные чтения и спонтанной речи.

Есть вопросы и к анализу конкретных случаев модификаций. Например, А.А.Ермакова рассматривает выпадение первого гласного /i/ в слове «перспективное» (с. 52) и делает вывод о том, что это выпадение привело к палатализации /s'/ и замене вибранта /r/ на палатализованный аппроксимант [ɹ̟]. Однако палатализация сонанта может объясняться и особенностями произношения в соответствии с петербургской нормой (ср. с произношением /r'/ в словах *серп*, *четверг*), а мягкий /s'/ - ассимилятивными процессами, не связанными с выпадением гласного.

Эллипсис одного /i/ на стыке приставки и корня в слове «приезжает» рассматривается как причина палатализации [ʒ̟] (с. 54), однако автор упускает из виду возможность произношения звонкого мягкого шипящего в данном слове в соответствии с московским вариантом произносительной нормы, который давно распространился и за пределы Москвы.

На с. 63-64 с эллипсисом гласного /u/ в слове «тридцать девятую» автор связывает целых шесть модификаций, причем разноплановых: это и палатализация /t/ перед /r'/, и замена вибранта /r'/ на аппроксимант, и замена сочетания /tsad'd'/ на [z̟], и замена зубного /v'/ на аппроксимант, и др.. Как представляется, для такого смелого вывода недостаточно оснований:

вряд ли утрата гласного в заударном комплексе обуславливает столь разные модификации в совершенно различных позициях слова. Подобный подход наблюдаем и на с. 66, где с выпадением гласного /u/ в слове «программу» автор связывает оглушение взрывного в предыдущем слоге.

Ряд примеров, которые приводит автор для иллюстрации модификаций звуков, сложно счесть подходящими для конкретного вида звуковых изменений. Так, в качестве примера замены мягкого согласного на твердый при эллипсисе гласного приводится слово «катался». Автор предполагает, что эллипсис финального /i/ влияет на замену мягкого согласного на твердый (с. 56). Однако твердость согласного /s/ может объясняться и вариативностью произносительной нормы.

Неясна значимость некоторых наблюдений, которые делает автор диссертации, например, вывода о том, что «в словах под синтагматическим ударением количество всех случаев спонантизации аффрикат примерно в 5 раз больше, чем количество данных случаев при эллипсисе гласных» (с. 61).

Некоторые выводы по итогам анализа требуют более корректной формулировки. Так, на с. 83 автор пишет, что «эллипсис гласных примерно в 23% случаев приводит к возникновению замены твердого согласного на мягкий», однако это справедливо в отношении лишь некоторых гласных, о чем идет речь двумя страницами выше.

Работа не лишена логических недочетов, пунктуационных и стилистических ошибок («определения, описанные Л.В.Бондарко», с. 22, «анализ таблиц по спонтанной речи», с. 42, «артикуляция ларингализации»), недочетов в оформлении (например, разбиение одной таблицы на 2 с разными номерами, с. 40-41). В некоторых случаях сложно понять, что имел в виду автор (с. 18, посл. абзац; «влияние метаязыковых факторов на реализацию звуков», с. 22; «гласные с неопределенным ударением» (с. 75).

Кроме высказанных замечаний, при прочтении работы возникли некоторые вопросы.

1. На с. 13-14 автор указывает, что модификации звуков способствует сама фонологическая система, а именно наличие и противопоставление смычных и щелевых согласных, дифтонгов и монофтонгов. Этот тезис требует пояснения.

2. На с. 22 автор со ссылкой на источник приводит следующее определение: «Спонтанность – это проявление в речевой коммуникации сбоев, связанных с несоответствием мысли условиям коммуникации». Хотелось бы уточнить, исчерпывается ли данным определением понимание спонтанности автором диссертации.

3. На с. 45 словосочетание «любит больше» автор рассматривает как одно фонетическое слово. Хотелось бы услышать аргументацию в пользу подобного решения.

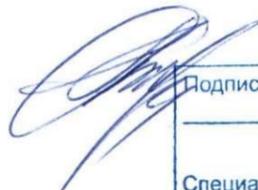
4. Можно ли говорить о трехкратном выпадении согласных, если сочетание /stv'/ в слове «художественный» меняется на один звук – долгий назализованный шипящий (с. 77), то есть 3 звука меняются на 1?

5. Как проявляется 4-кратное выпадение согласных в слове «самостоятельные»? Какие согласные выпадают, кроме /m/ и /j/?

6. Основной вопрос, на который хотелось бы услышать ответ по итогам исследования, - есть ли принципиальное отличие модификации согласных при выпадении гласных и без такого выпадения?

Несмотря на высказанные замечания, ряд из которых носит дискуссионный характер, и отмеченные недочеты, можно констатировать, что автором проделана большая работа по анализу материала, а сама магистерская диссертация А. А. Ермаковой соответствует основным требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам на соискание степени магистра лингвистики, и заслуживает положительной оценки.

Доцент кафедры русского языка

А. А. Степанов

Подпись *Степанова А.А.*

УДОСТОВЕРЯЮ

Специалист *Степанова А.А.*
по кадрам "06" июня 2014 г.

